

ОТЗЫВ

официального оппонента о работе Раку Марины Григорьевны на тему
**«Идеологическая рецепция музыкальной классики
в раннесоветской и сталинской культуре»,**
представленной на соискание ученой степени доктора искусствоведения
по специальности 17 00 02 – Музыкальное искусство.

Музыкальная советика давно стала полем брани на Западе, и вот постепенно российское музыкознание начинает теснить зарубежных коллег, устанавливая *свои* приоритеты и проставляя *свои* акценты в изучении исторического феномена, именуемого «советская музыкальная культура».

Не предъявление суду истории все новых документированных свидетельств, но *аналитическое осмысление* явлений – вот суть этого давно чаемого поворота на путь беспощадного «познания самих себя». Именно к таким работам относится диссертация Марины Григорьевны Раку «Идеологическая рецепция музыкальной классики в раннесоветской и сталинской культуре».

Актуальность и новизна диссертации М.Г.Раку несомненны. **Впервые** столь *комплексно* ставится и решается вопрос о *судьбе и роли музыкального наследия* как важнейшего инструмента в осуществлении идеологических проектов эпохи (формирование нового общества и «нового человека», формирование советской культуры) и – главное – вскрываются *механизмы* этих процессов. **Впервые** изучение тоталитарной мифологии осуществляется через призму *текстов о музыке*, включающих как вербальные, так и визуальные «высказывания» («музыкально-критические и музыковедческие работы указанного периода, политические документы, идеологические манифесты, музыкальные и литературные произведения, кинематографические полотна, прямо или косвенно связанные с музыкальной проблематикой, свидетельства театральной истории и т.д.» -с.27). В их *контекстном анализе* выявляются инструменты и суть культурной политики по отношению к музыкальной классике, реконструируется процесс ее идеологической адаптации. «Сюжетосложение» этого аналитического нарратива можно

сопоставить с исторической хроникой, где на основе колоссального документального материала воссоздается идеологическая повседневность исследуемой эпохи и движение ее Времени, а гипертекстовые переключения на другие художественные практики: (от музыки Вагнера – к фильмам Эйзенштейна, от музыки Чайковского – к прозе М.Зощенко и фильмографии 1940-х гг. и т.п.), придают этому нарративному портрету стереоскопическую объемность

Транслируя богатейший опыт зарубежной музыкальной советики (до сотни иноязычных работ, из которых на русский переведены единицы), М.Г.Раку раздвигает границы дискуссионного поля своего исследования и включает его в системный интернациональный контекст современной гуманитаристики, задействуя ее ведущие научные направления. Это проблемы исторической и культурной памяти, социологии музыки, социальной и культурной антропологии, феноменологии культуры – и производные от них: вопросы рецепции, национальной идентичности, институционализации музыкантских сообществ.

Базовым методологическим ориентиром исследования служит теория рецептивной эстетики. Она представлена в диссертации мощным корпусом зарубежных работ с анализом их концептов (см. с. 19-25). Попутно замечу, что к этому объемному интернациональному списку, где практически отсутствуют отечественные рецептивные *музыковедческие* исследования (согласимся, что работы Ю.Кремлева и Т.Ливановой, все же «не совсем то») можно было бы добавить и труды украинских ученых и, в частности, – диссертацию Ю.Чекана, в основе которой – изучение рецепции Шестой симфонии Чайковского (1992 г.). Он опирался на работы российских филологов, которые с середины 1970-х разрабатывали рецептивистику под титулом «историко-функционального метода». В его основе – те же методологические постулаты, что и в рецептивной эстетике: роль исторического контекста, разнообразные интерпретации (читательское восприятие, критика, театральные постановки), переосмысление анализируемого художественного явления другими видами

искусства (см. например, сборник «Русская литература в историко-функциональном освещении. / Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР ; ред. Н. В. Осьмаков [и др.]. - М.: Наука, 1979. – 302 с.). Но – права Марина Григорьевна – идеологическая составляющая рецептивных процессов ни в литературоведческих, ни в музыковедческих работах тогда не учитывалась. И это еще одно **приоритетное** качество рецензируемого исследования.

Свойственная диссертации М.Г.Раку междисциплинарность нашла своеобразное отражение в структуре работы. Ее три главы выстроены по принципу кинематографической смены планов: общего, среднего и крупного.

В первой главе (общий план) рассматривается отношение властей и его репрезентантов к музыкальному наследию – *в целом*.

Во второй главе (средний план) экспроприруемая музыкальная классика предстает в бóльшем приближении и, соответственно, с различной дифференциацией на школы (русскую., итальянскую, австро-немецкую), стили (романтизм-реализм), исторические эпохи (музыка французской революции).

И, наконец, третья глава (крупный план) персонализуется – фигурами Мусоргского, Бетховена, Вагнера, Глинки, Чайковского.

Эта структурная диспозиция полностью корреспондирует с главным алгоритмом исследования, раскрывающего *процесс* «прагматического приспособления /классики/ ...к злободневным нуждам “государственного музыкального строительства”» (с.4), причем раскрывается он поэтапно, пофазово. Поэтому в первой главе демонстрируются *стратегия* культурной политики; способы апроприации и адаптации музыкального искусства и его использования в качестве инструмента «формовки нового человека» – с возобладанием «теории естественного отбора» (отсеивание «классово чуждых» произведений).

Вторая глава посвящена «выбору предтеч» новой музыкальной культуры, созданию меняющихся списков кандидатур в «большевистский пантеон гениев человечества» с их соответствующей кодификацией.

В центре внимания третьей главы – победители кодификационного турнира, идеологическое перетолкование их творчества.

Результат этого последовательного аналитического «расследования» – создание убедительной картины *генезиса* советской музыкальной культуры.

Очевидно, что тема, вынесенная в название диссертации, далеко не покрывает раскрытых или затронутых в ней проблем и сюжетов. Гораздо шире обозначенного временной континуум. Он включает Серебряный век, что связано с вагнеровской рецепцией и «скрябинской коллизией в советской идеологии» (с.139). Пунктиры векторов уводят и в 19 век, и, тем более, в наше настоящее, присутствующее в диссертации не только имплицитно, но и въяве – например, через фразы («в сторону») о «современном положении академической музыки, явно «пораженной в правах» в российском обществе» (с.509). Конечно, большую роль играет «резонансный фактор», дающий возможность – через призму явлений исследуемой эпохи уточнить наше представление о музыкальной современности.

Одним из не прокламируемых, но четко проявившихся «сюжетов» диссертации оказалась история становления советского *музыкознания*, конструирование его идентичности. Здесь и общая картина – институциональный контекст с траекторией зигзагов музыковедческого сообщества в соответствии с зигзагами культурной политики. Здесь и персональные «медальоны» (пусть и рассредоточенные – каждый – по разным разделам). При этом Марина Раку нарушает традицию, негласно соблюдаемую в научных сообществах (советских и постсоветских), которые, по мнению многих, не стремятся «к пересмотру /.../ репутаций тех, кого современники определили как своих корифеев и своих злодеев /.../ Скорее нормой является умолчание обо всем воспринимаемом неоднозначно или скандальном»¹. М.Г. Раку без «придыхания» говорит об Асафьеве, который в свете постоянных измен самому себе предстает в диссертации прямо-таки трагической фигурой.

¹Н.В. Брагинская. Как изживали классику и как она въживала. Размышления над книгой «Античные авторы и коммунизм»// НЛО/129.

Она показывает «другого» Сабанеева – вполне «социализованного» и созвучного новой идеологии.

Диссертация М.Г. Раку вносит существенные коррективы во многие, казалось бы, уже устоявшиеся представления о тех или иных аспектах изучаемого времени. Это касается деятельности Пролеткульта, стратегии «культурности» (ее временных рамок), уточнения имен, дат первых послеоктябрьских мировых премьер отечественного музыкального театра; произведений, открывавших список советских опер, и их авторства и т.п. Многие из того, что уже попадало в музыковедческий объектив (поиски «аутентичного» Мусоргского, постановки Мейерхольда, Станиславского, Немировича-Данченко и другие музыкально-театральные события), помещенное в новый нарративный контекст – раскрывает скрытые до того неожиданные смыслы.

Диссертация М.Г. Раку не закрывает проблему. Она, с моей точки зрения, ее только открывает и щедро делится возможными научными направлениями («формовка советского музыковеда», «формовка советского композитора», «формовка советского слушателя» – с.505). Как любая смелая инновационная работа, исследование это будет вызывать – и уже, видимо, вызывает – дискуссии, споры, вопросы, тем более, что сама Марина Григорьевна прямо подбрасывает читателю эти вопросы. Вот насколько таких «наживою» для рецензента в Заключении диссертации:

- *...Редукции смыслов творчества классиков «оказало необратимое воздействие на восприятие музыкальных шедевров прошлого»(с.504). Точно ли необратимое? В истории музыки достаточно примеров, когда казавшееся «необратимым» возвращается обратно. Предпосылки в каждом конкретном случае – свои. Каких требует наш случай?*
- *Предпринятый в диссертации анализ рецепции классики на страницах советского музыкознания «закономерно обнажает проблематичность ряда положений, которые продолжают сохранять свою влияние» (с.507). Тут у*

оппонента сразу – рефлекторно – возникает вопрос: *каких положений?* Согласна, с проблематичностью, но «обнажите» хотя бы некоторые.

- И, наконец, последняя фраза, завершающая – правда не диссертацию, а репрезентирующую ее книгу: «крамольное», по словам М.Раку предположение, что условием возвращения академической музыке высокого социального статуса является очередная мифологизация ее образа – т.е. новое перетолкование в свете запросов сегодняшнего дня (Марина Раку. Музыкальная классика в мифотворчестве советской эпохи. М., НЛО, 2014, с.667). Но разве это не происходит постоянно? Ну, может, не так революционно, как в раннесоветский и сталинский периоды. Разве вся работа музыковедения не есть постоянное уточнение (переосмысление) значений и смыслов – своего рода бесконечный палимпсест, где предыдущие записи стираются последующими, но стертые слои просвечивают через нанесенные поверх.

Неизбежны вопросы к соискателю, затрагивающие все те научные направления, на пересечении которых формируется концепция диссертации.

Вот один из возможных:

Считается общепризнанным, что художественное произведение – это «сложная *саморазвивающаяся* структура», которая «находится в обратных связях со средой и видоизменяется под ее влиянием» (Лотман), но что «каждая из эпох раскрывает в произведении те ценности, которые были ему *потенциально* и вместе с тем *объективно* свойственны» (Лихачев). Или – вот еще более категоричное утверждение: «Искусство обладает автономной способностью продуцировать *собственные дифференции*: оно творит собственное пространство и время, поэтому оно не может жить просто как социально опосредованное явление и *не может быть редуцировано к каким-то конвенциям*»².

Возникает вопрос: в идеологических перетолкованиях классики, представленных М.Г.Раку, – что спровоцировано смыслами, заложенными в

² Алла Горбунова.

самих произведениях (а значит, речь о реализации этих имплицитных смыслов), а что навязано как *имплантант*?

И как в таком случае верифицировать вердикты исследователей относительно истинности или неистинности того или иного толкования художественного явления? И вообще возможна ли верифицируемость? От каких эталонов отталкиваться?

Подобные вопросы, конечно, ни имеют однозначных и быстрых ответов. Они – лишнее подтверждение креативного потенциала диссертации М.Г.Раку.

Резюмируя, еще раз подчеркну актуальность и практическую значимость рецензируемой работы, в которой доказательно, с опорой на огромную источниковедческую базу и на высоком профессиональном уровне раскрывается сущность одного из наиболее сложных периодов советской музыкальной культуры. Считаю, что исследование Раку Марины Григорьевны на тему «Идеологическая рецепция музыкальной классики в раннесоветской и сталинской культуре» соответствует требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям. Автореферат и публикации (свыше 40, в том числе две монографии) отражают основные идеи работы, а ее автор Раку Марина Григорьевна заслуживает присуждения ученой степени доктора искусствоведения по специальности 17.00.02 – Музыкальное искусство.

27.03.2015

ЗИНЬКЕВИЧ Е.С.

Доктор искусствоведения,

Профессор,

Зав. кафедрой истории музыки этносов

Украины и музыкальной критики

Национальной музыкальной академии Украины

им. П.И.Чайковского

Украина, 01054 Киев
Чеховский пер.2 кв.26
+38 044 486 93 07
caterin@voliacable.com

